

Копипаста: Великие блядки — Lurkmore

Осторожно! Шок-контент!

Ниже расположено зашкаливающее количество крови, расчленёнки, рвотных и каловых масс или другой подобной хуиты. Настоятельно рекомендуется отогнать от экрана беременных женщин и детей, а также особо впечатлительных животных. За последствия, вызванные чтением и просмотром, ответственности не несём!

Начиналось это так или иначе. Иногда на улице равнодушные прохожие могли заметить чёрный мерс, тормозящий около девчужки. Ей говорили что-то, брали ее за руки и сажали в него. Он тут же отъезжал. Иногда же в аэропорту Шереметьево с какого-либо рейса спускалась группа людей-двое-трое мужчин и две-три молоденькие девочки. Их встречали на выходе с самолёта, сажали на спецмашину и увозили. Были ещё школы, где молодые люди вида телохранителей договаривались о чём-то с директором-затем ожидали стайку девчат у микробуса с распахнутой дверью. Наверное, что-то происходило и у вокзалов, и в гостиницах, и просто в подъездах больших жилых домов, где тусуется молодежь. Одно было ясно: источники товара-неисчерпаемы. И многие задействованы.

Иногда же можно было видеть, как богато и несколько безвкусно разукрашенная альфа-ромео заезжала в закоулки, туда, где тусуется свежее мясо из деревень-если его можно считать свежим-сравнительно свежее для Москвы, во всяком случае. Вслед за знаком продрогшей девчонки на обочине парни, охраняющие девчат, становились навтыжку. В заброшенных дворах, где в нескольких автобусах ютились девчата, ожидая клиента, раздавался радостный клич: "А ну, выходи! Стройся! С большой грудью-направо! С хорошим характером-налево! Красавицы-вперёд! Малолетки-в первый ряд!"

И тогда из машины выходил среднего роста господин, несколько ступёванный, как бы вне фокуса, размытый, в огромных роговых очках. Одетый в тёмное, не неряшливо, но скромно. Он подходил к девчонкам и рассматривал их, заговаривал с ними, трогал их за грудь или приказывал обнажить её на морозе. "Ну и что? А ну делай, чё тебе говорят!", разорялись мамки, если девочка выказывала сопротивление. Он отбирал, в конце концов, штук шесть. Всегда отбирал, даже если товар был не самый самый. Затем он садился с ними со всеми обратно в машину, платил за них и отъезжал. Странно, как они там умещались все-в спортивной тачке. Но умещались. Ложились штабелями, друг на дружку. Всегда торговался. Принципиально. "Ты смотри какой товар!", канючили мамки. "Я-оптом беру", веско говорил господин. "Двадцать за штуку-красная цена. " "Ну хоть тридцать!" "Ну так и быть, двадцать пять. " И они отъезжали.

Замок его находился на Воробьёвых Горах, красивый, старообразный, а между тем-очень современный: этажа четыре под землёй. Ходили слухи, что держит он Школу для Умиравших Девчат, но как никто из этой школы никогда не выбирался живьём-слухи только и были. Может, сам он их и распространял-или его прислужники.

А было вот как: выходил он в зал-большой, тёмно синий, в котором было много матов, был бассейн, джакузи, были всякие гимнастические приспособления на стенах и потолках-но запаха пыльных матов не было-становился в центре, и впускали девчат. Он сам решал-скольких сразу. Часто впускали штук двадцать, а остальные ждали за дверью, чтобы пополнить поголовье в любой момент, если надо. Под стенами стояло несколько кунаков, с висячими хуями-такова была форма одежды, чтоб хуй свободен был-стояли и молчали. Сам он был гол как сокол-это только наружу выходя, облачался он в какое-то подобие сутаны. Девчат впускали тоже сразу голенькими-он не признавал сексуальности одежды. "Чего зря время терять?" Говорил. "Я мяса хочу. И по возможности-сразу".

Девчата были разные. Обычно было штук пять-десять вообще неподготовленных-свежачок, так сказать-и столько же тех, кого уже дрессировали-обучили чего ожидать, что делать. Или которые уже присутствовали на предыдущих сеансах-но только как фон, поэтому и выжили. Неновичков, в прямом смысле слова, было мало: скапливалась периодически группка, девчат этак до сорока, разного возраста, которых хозяин как бы любил: кончал в них, не мучил, не убивал. И их убивал или замучивал до смерти, однако не всех же успевал. Некоторые жили уже здесь годами. Вот они и знали, чего ожидать. И если умными были, старались ему не попасться на путь. Хотя это и было трудно, так как поступал он с мясом совершенно алогично.

Вот, скажем, девчонка, двенадцати лет. Как стоит она в ряду двадцати, а он проходит мимо и шарит глазами по ряду-заметил её. Выделил. Казалось бы-красивая, хоть и молоденькая, а с грудкой уже сложившейся, довольно крупной для её лет, ему бы её холить и лелеять-ан нет: вытащит и сразу: "Ты сегодня будешь пособием по обучению. " И берёт нож. Остальные

девчата смотрят. А он тащит её на Лобное место-был такой медный кругляк в зале, там, где, если представить, что зал-это бильярдный стол-биток ставят-поставит её там, поднимет двумя пальцами за сосок и обращается к другим: "У вас выбора нет. Если не повинуетесь-смерть. Если повинуетесь-тоже смерть. И логики тут никакой нет. Прошу забыть о попытках смухлевать. Сфилонить. Единственная логика-моя страсть. Я вам сейчас её покажу. Я очень люблю отрезать девочкам сосочки. " И берёт кривой, острейший нож, а девчонку за сосочек: хрясть-и сосочек у него в пальцах остался. Снизу вверх-одним махом отсёк. Она оседает, из ранки кровь. Встать! Орёт он, и она вскакивает, плача. "За то, что осмелилась без приказания сесть-грудку давай. " Она дрожит, как осиновый лист. Слышно и видно, как мочится под себя и обсирается. А он, улыбаясь, берёт её за грудку-другую, нетронутую ещё. Нож под грудку-и плавным серпообразным движением-вырезает. Самое удивительное-что крови мало идёт. Не фонтанирует кровь-просто вместо грудки красное пятно появляется и набухать начинает. И большими каплями вниз, на медь капать. А он берёт сосок отрезанный, подзывает другую пальцем-та бежит, знает уже, что нельзя не соответствовать-"Разжуй и проглоти", говорит. И в рот ей сосочек закладывает. Та и жуёт, счастливая, что не грудку он ей в рот засунул. Но другой не повезло-так же подзывает пальцем-и на лицо нахлобучивает грудку: "Съешь! Подать шампанского!" Вот шампанским они и запивают. Безгрудая же уже упала, естественно, давно-не выдержала. "Выбросьте её"-он приказывает: "На кухню её! На котлеты для моих гостей. " Так вот что они едят!

И тут он ловит чей-то взгляд: "А ну, иди сюда!" Та подходит. "Упрямый у тебя, красивый взгляд! Непришибленный!" Та молчит, потупившись. "Тебя когда-нибудь сучком ебали?" Она поднимает глаза, смотрит, ничего не говорит. "Насадите её на сучок!" Приказывает. "Это всем вам в назидание"-сообщает. "Чтобы знали, как это бывает. И как с вами будет. "

Кунаки подходят. Берут сразу же слабеющую девушку под мышки. Осторожно, чтобы в кале от предыдущей жертвы не оступиться, подтаскивают некий механизм-перекладина, а внизу сучок. Довольно длинный-чуть длиннее метра. Девушку насаживают пиздой на сучок. Один из кунаков примеряется, чтоб правильно село. "Вошло?" спрашивает (опытные уже знают, что будет, а зеленё в первый раз, ещё не понимает. Девушка тоже новенькая-не знает, а то бы уже потеряла сознание, или бороться пыталась бы) . "Вошло", отвечает она тихо, еле слышно. "На ногах стоишь?" "Стою. " Ноги её раскоряченные, стоит упираясь на них, только чуть-чуть усадили её на кончик сучка. Тяжёлые руки ей на плечи положили-не встать. "Вот так и стой. " И руки её к перекладине привязывают, близко к плечам. А перекладина-на уровне груди. То есть встать она уже не может. Сколько простоит-простоит, а как ноги подогнутся-только глубже на сучок усядется. Это хозяина собственное изобретение. Любит он его-девчат на колышек сажать. И стоит девчонка, вся вспотела, а стоит. Попой двинуть пытается, только не так уж неглубоко на сучок насажена, чтобы выскользнуть. А сучок-в конце сантиметра три в диаметре, а у основания-аж сантиметров десять. "Сколько же мне так стоять?" спрашивает, ещё не поняв. "А пока не устанешь", отвечает хозяин. И по его взгляду поняв, что можно и нужно смеяться, кунаки гогочут. А за ними-самые смелые из девчат.

Он подходит к ней, смотрит. Проверяет, как пиздочка на сучке сидит. И тут-только тут! Кончик его хуя чуть-чуть приподнимается. Он облизывает тонкие губы-и впервые за вечер притрагивается к женскому телу (не считая отрезанных грудок) . Гладит её руки, привязанные у предплечья к перекладине. Закуривает. Глубоко затягивается и подносит горящую сигарету к её соску. Она орёт, трясёт грудью, отдёргивается-ноги её не выдерживают напряжения, и она ощутимо спускается вниз, на сучок. Вновь орёт дико, резко вскакивает. Перекладина дрожит, но держит. Он смеётся, опять огонёчек подводит-к другому соску. Девчатам видно-огонёк к ней даже не прикасается-а ей уж кажется-вновь мучение будет-она орёт, ноги не выдерживают, она вновь вниз сигаает-на сей раз сантиметров на пятнадцать хороших. И тут же вскакивает. Ноги же мои свободны! Думает. Надо их передвинуть! По-другому стать! Передвигает. Но не выдерживает-теряет равновесие и сваливается на колени. Хорошо ещё, что на колени-хоть сучок уж в ней на сорок сантиметров, но ещё не убил. Уже разорвал пизду, пожалуй-кровь пошла снизу, видно. Она теряет сознание, но не настолько, чтобы полностью осесть. "За что, за что?" Причитает. Что-то шепчет безмолвно. От её тела как бы пар поднимается-от напряжения. Кунаки окатывают её холодной водой из-под шланга, которым нечистоты с Лобного места смывают. Она закашлялась, вода ей в горло попала.

Он её всё рассматривает. Не наскучила она ему ещё. Она ловит его взгляд, взглядом непонимающего дикого зверя вопрошает: "За что ты меня так? Я ведь красива, можно было бы меня любить!" "А зачем?" Пожимает он плечами на её безмолвный вопрос. "Вас много. " И чувствует, что хуй его ещё немножко приподнялся. Подзывает пальцем следующую. "Соси. " Она, радостная, что всё так просто, берёт его в рот. Он её ставит около той, на шесте, и шипит следующей-"Яйца лижи!" Та подбегает, ложится вниз, на спину, на локтях приподнимается-видно, дрессировали-лизет яйца и промежность. А он руками трогает грудки той, на сучке. И вдруг наклоняется, берёт её голову и целует её в губы. И в зрачки ей смотрит долгим взглядом. Смотрит, видно, как жизнь всё ещё теплится. От напряжения и от этого его взгляда, наверное, девушка наконец, впервые за все испытания! -обосралась и описалась. Смесь эта, плюс кровь, течёт по сучку, который теперь больше трети уже в ней. Но на коленях стоять проще-дольше можно простоять, хоть и раненой. И тут он чувствует, что хочется ему пописать. Те, что поопытнее, знают, что это его самое большое физическое удовольствие.

Намного большее, чем просто кончить: кончаешь за минуту, а писая можно чувствовать тот же эффект в течени нескольких минут, если только хуй возбуждён.

Он вытаскивает кончик изо рта соски и подносит его ко рту девушки на сучке: "Открой рот". Она не понимает. "Открой рот, сучка-у тебя есть ещё шанс пососать мне хуй, пока не умрёшь". Она открывает рот, оторопело. Он входит туда. Подзывает соску свою и ставит её около: "Лови кончик, как только вытащу", -приказывает. Той, что лижет яйца и промежность, приказывает: "Лижи старательнее". И подзывает ещё одно мясо: "А ты, сучечка, обнимай мою спину сзади, и ласкай грудями и руками всё тело". "А ты приготовься"-приказывает той, что на сучке: "Я сейчас писать в тебя буду. Рот пошире держи. Сосать сейчас не надо. Будь готова заглатывать." И вскоре, сосредоточившись, начинает писать ей в рот. Та захлёбывается, пытается вырваться, пожалуй, даже кусает ему хуй-но он просто держит её за скулы и продолжает писать ей в рот, пока взгляд у неё не затуманивается и, впервые с начала вечера, не затухает совсем. Его моча выливается из её рта вниз по подбородку, между грудями, по животу, к пизде и дальше по сучку. Тут он отбрасывает её голову и притягивает к себе головку новенькой: "Ну вот, наконец-то перестала глядеть", говорит с наслаждением, дописывая в новый рот, обладательница которого старательно глотает-видно, как её отсутствующий кадык судорожно движется.

Кончив писать, он подзывает новую соску и даёт ей старательно вылизать кончик. Когда он подзывал её, та, что лизала его заднюю дырку, была оттолкнута и, забывшись, просто так лежала, глядя в потолок. Он к ней поворачивается: "Если тебе сказано: лизать, ты должна это делать постоянно, сука, и ходить за мной, если я отойду, и не отрываться". Она подбегает, чтобы сделать это-но уже поздно: "Пора тебя лечить", сообщает он ей. "Я тебя в живот выебу." Только кое-кто в зале знает, что это такое, и вздрагивают. Речь идёт об открытии новой пизды в девушке-плюс ко всем тем, которыми её мать-природа наградила. Девушка выбрана правильно-хоть она и не толста, но вкусно пышновата. Весь его выбор всегда худ, но эта-самая нехудая из всех худышек. Животик у неё округлый, красивый-кушать на нём хочется.

Он кладёт её спиной на пуф, берёт кривой свой нож и делает надрез в низу живота. Она вздрагивает и покрывается холодным потом. Он надевает презерватив, ложится на неё и засовывает свой хуй ей в живот. Она истошно вопит, пытается вырваться, змеясь под ним-он её крепко держит, целует в губы и глядит в глаза-как медленно, но верно жизнь из них начинает уходить от боли и хаоса у неё в животе, особенно когда он ебёт её, с силой вгоняя хуй в живот. Жизнь отлетает из неё постепенно-с её последним вздохом всё её тело ослабевает, и в этот самый миг он начинает кончать, свирепо рыча. Другая девчонка-подученная-он ведь не всегда все приказания успеваает подать-заменяла эту и всё это время неотступно сосёт ему яйца и лижет жопу. А та, что обнимала его спину телом, и сейчас тут-елозит вокруг, сиськами к его спине притрагивается, ручками легонечко ласкает толстую кожу спины и ног.

Он встаёт и, не глядя, подсовывает кровавый хуй в гандоне кому-то-облизать. Сразу двум ртам-один слишком долгое время займёт. И в этот самый миг слышен какой-то стук и сдавленный крик-это та, на сучке, в конце концов не выдержала и свалилась-теперь сучок медленно, но верно таранит её внутренности. Где он выйдет наружу?"Грудь!" Орёт один кунак. "Шея!" Орёт другой. "Рот!" орёт третий. "Живот!" Орёт хозяин. Ему лучше видно: девушка слишком сильно накренилась, чтобы сучок долго путешествовал у неё внутри. И действительно-через минуту на её животе показывается вздутие, и вскоре, с треском разорвав мясо, кончик сучка высовывается наружу. Казалось бы, упражнение окончено. Но она ещё жива! Она ещё конвульсивно дёргается!"Да, сильна ты, мать"-произносит он сквозь зубы. "Снимите её"-приказывает. "Нежно, пожалуйста. Если останется жить-будет дрессировщицей." Её уносят на носилках прямо в больничное отделение-зашивать разорванные органы.

Он в хорошем настроении. Столько удовольствий, а кончить он успел всего лишь один раз-зато написался, что имеет преимущество-так как пистона, так сказать, не тратишь, а удовольствия столько же-да даже и ещё больше, главное-дольше. И вот он подходит к ряду, несколько поредевшему. Та, что попу лижет и та, что спину ласкает, влекутся за ним. Ему, по-видимому, доставляет удовольствие всё время от них отодвигаться, чтобы они должны были обратно ловить губами его тело, и проворно менять своё положение. Он обходит ряды. Девчата глядят исподлобья. В основном это-очень ясный взгляд. Животный. Выключенный от всего человеческого. Он как бы говорит: ну чего ему ещё? Пронесёт меня, или нет? Взгляд рабыни. Рабыня не должна любить или ненавидеть. Рабыня не должна подчиняться или восставать. Рабыня должна умирать в любом случае. Так их будут учить-тех из новичков, кто выживет эту ночь.

Он выбирает одну-высоченную, лет четырнадцати, с тонкими чертами лица и длинными тонкими соломенными волосами-и приказывает подвесить её. Подвешивают её за руки и за ноги, попой вниз, растянув ножки довольно широко, как вешают гамак, или как кабана, убитого на охоте, которого на шесте несут к огню. Подвешивают невысоко-так, чтобы тело оказалось на уровне его хуя. Висит она у стены, где огромное зеркало, чтобы она могла себя видеть. Висит и качается.

Она извивается, пытается держать голову, потом смиряется, и голова её свешивается вниз.

Волосы доходят до пола. Так она и висит, покачиваясь-слишком быстро потеряв сознание. Ей что-то впрыскивают. Голова её резко дёргается-она приходит в себя. Он отодвигает её ноги, закуривает и суёт сигарету в её пизду-фильтром. Потом вытаскивает и затягивается. Это-знак высшей милости. Ему, значит, нравится свежий сок этой сучки. Потом, однако, он начинает палить сигаретой внутреннюю сторону её ног, радуясь, как ребёнок, когда она орёт от каждого прикосновения и изгибается, грозя перевернуться. Продолжая подпалить её, он с каждым разом подбирается всё ближе и ближе ко внутренней части пизды. Главное тут-подпалить её, но не дать сигарете потухнуть. Он затягивается после каждого прикосновения, наслаждаясь запахом палёных волосиков и мяса. Пизда девочки уже вся-один опалённый рубец. Он делает то же самое с её анальной дырочкой. Но тут сигарета не выдерживает-потухает. Он засовывает окурки ей в пизду. Кунак подносит ему горящий уголёк на щипчиках. Он возобновляет изощрённую пытку-теперь уже угольком. Все видят, как хуй у него вновь начинает подрагивать. Не дожидаясь приказа, одна из дрессированных подбегает и берёт его в рот. Он не любит, когда ласкают его неподнятый хуй-он разрешает это делать только иногда, когда ему хочется. Но ещё пуще не любит он, если видят его поднимающийся хуй и не сосут его.

Девочка всё продолжает извиваться от уголька, она не может потерять сознание, так как ей чего-то впрыснули. Вскоре уголёк отставлен, и она, глубоко вздохнув, начинает молить о пощаде. Ей даже нечего предложить-красоты у неё мало осталось, а всё, что она может ему предложить-все услуги-у него их нескончаемый край. Ему они осточертели. И всё же он слушает благоослушно. Тут подносят горшочек и клизмочку. В клизмочке-молочко: он засовывает её в попку девочке и наливает туда молочко. Она глядит в зеркало на его манипуляции, не понимая. Ужасаясь неведомому. Молочко начинает тут же капать обратно из её попки. Он открывает горшочек и подносит его к попке. Из горшочка появляется головка змейки. Змейка тут же устремляется за струёй молочка. Вскоре её головка исчезает в попке девушки. Девушка на секунду замолкает, с удивлением прислушиваясь к ощущениям внутри себя (о, этот сосредоточенный взгляд мучимой девочки, взгляд, устремлённый в себя, пытающийся осознать, понять собственные ощущения) - и вдруг раздаётся её душераздирающий крик. Она поняла! Она смотрит в зеркало обречённо, как змейка подвигается вперёд и вперёд, и наконец, змеиный хвостик исчезает у девушки внутри. Все аплодируют. "Рот-пятнадцать минут", говорит он. Это означает: змейке понадобится пятнадцать минут, чтобы проползти по внутренностям девушки и вылезти из её рта. "Двадцать", говорит один из кунаков. "Спорим?" "Спорим!" "На твой хуй!" Если кунак проиграет, он потеряет свой хуй. Если же выиграет, хозяин ему подарит что-то. Какое-то удовольствие. Что-либо крупное. Это всегда так. Хозяин играет честно. Он любит тех, кто выигрывает. И кто рискует.

А хозяин между тем, под аккомпанемент несмолкающего визга девушки, внутри которой орудует змейка, и окружённый тремя-сосущей, лижущей и ласкающей, подходит к шеренге девчат. "Станьте раком", тихо приказывает он. Они подчиняются, становясь раком в ряд на мягкой длинной скамейке. Одна из дрессированных (появилась из дверей, так как девочке уже явно не хватает) обходит их всех и клизмой наполняет их попки обильной смазкой. Хозяин не любит сопротивления мягкой плоти-другой бы на его месте получал удовольствие от препятствий, а он-нет: предпочитает всё просто и быстро. Он-аскет.

И вот он начинает ходить вдоль шеренги и иногда вставлять свой хуй-то в попку, то в пиздочку, то одной и той же, то разным. Вставив, он делает один-два движения и тут же его вытаскивает. И дальше идёт. Сосущая отстала, а лижущая и ласкающая-подвигаются следом за ним. Все понимают: он пытается возбудиться, чтобы кончить ещё раз. Некоторые девочки от страха описаны. Некоторые описываются прямо сейчас. Две или три обоссались. На описанных он не реагирует-ебёт их, как всех. Когда он подходит к обоссанной, однако же, берёт свой обоюдоострый кривой нож-в крови всех предыдущих жертв-и не глядя, легко засовывает в девчонку-то ли в эту дырочку, то ли в ту. Она падает, визжа и истекая кровью. Её выносят. На её место тут же становится новенькая-из дверей. Хозяин продолжает ебать, задумчиво куря, обходя шеренгу, иногда притрагиваясь сигаретой к обнажённой нежной коже девчат. Они визжат, но никто не осмеливается своевольно оставлять шеренгу. Ему подносят большой длинный бокал с вермутом. Он отпивает. Бокал несёт за ним ещё одна девчонка. Опытные знают-он в трансе. Он сейчас далеко. Он работает. Он работает головой. Он мыслит. Мечтает. Строит планы. Принимает решения. Это-его кабинетное время. Вдруг он, проснувшись, щёлкает пальцами. Он утомился. Так и не кончил сейчас, но это поправимо. Девчат моментально выводят из зала. Приводят новую, совершенно свежую партию-штук пятнадцать. Их укладывают на широкий круглый мат в углу. Это-его постель. Он спит на них. Среди них-две-три куклы: это тела девочек, которые ему когда-то так понравились, что он сделал из них чучела. Остальные живые. Но они должны лежать тихо, пока он спит. Он подкладывает под голову попку одной, засовывает в рот сосочек другой, засовывает руки в две пиздочки, и ноги тоже-как в тапочки. И укрывается ручками остальных. В последний момент, не выдержав такого количества самок, вскакивает его хуй опять. Он приподнимается, оглядывает мутным взглядом свою коллекцию, и приказывает себя кончить. Всё переполошилось: одна из девчат взяла его в рот, другая вновь лижет яйца и попу, третья ласкает руками. Некоторое время он мечтательно глядит в стену, потом резким движением засовывает хуй до конца, в глубь горла сосущей, и в два-три взмаха кончает. Сосущая задохнулась. Сначала хуй, а затем сперма закупорили ей глотку. Она извивается. Всё медленней и медленней. Пока он удосуживается

вынуть свой кончивший хуй, она уже мертва. Её оттаскивают, и её место тут же занимает другая: эта должна разбудить его через ровно пять часов, взяв его хуй в рот. Все опять занимают положение для сна.

Замок постепенно успокаивается. Кунаки тихо уводят остальных в тайные отделения-дрессировать, лечить, свежевать, готовить ужин. Основная часть кунаков тут же разъезжается за новыми партиями мяса: хозяин потребляет много, слишком много, и не любит несвежатинки-если обнаружит, что подсунули-хана.

Все забыли про змейку: так и неизвестно в точности, когда наконец она соблаговолила вылезти из ротика той девчонки. Трупик девчонки так и оставили висеть до утра-хозяин иногда любит, проснувшись утром, вспомнить безумства ночи. Когда змейку обнаружили, она преспокойно свернулась калачиком на животике усопшей, легонечко покачивающейся, как маятник. Кунак, с которым хозяин спорил, уверял, что змейка вылезла ровно через двадцать минут-как он и предсказывал. Однако хозяин ему не поверил. Но хуй не отрезал-сам забыл уследить. Хозяин-справедлив.

Читать ещё

- [Ffrustration](#)